

Л. Л. Никифорова

КРЫМСКИЕ ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА АМЕРИКАНСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ АЙН РЭНД (АЛИСЫ РОЗЕНБАУМ)^[1]

1

Имя этой американской писательницы русского происхождения стало знаменитым в конце 50-х годов минувшего века и прочно заняло своё место в культурной истории США. Её имя и сегодня пользуется очень широкой известностью. После её смерти, помнению американского филолога-слависта Д. Бартон Джонсона, Айн Рэнд обрела статус современного классика американской литературы [2].

Получив о ней хотя бы самые общие сведения, каждый будет ошеломлён грандиозностью личности этой американс-

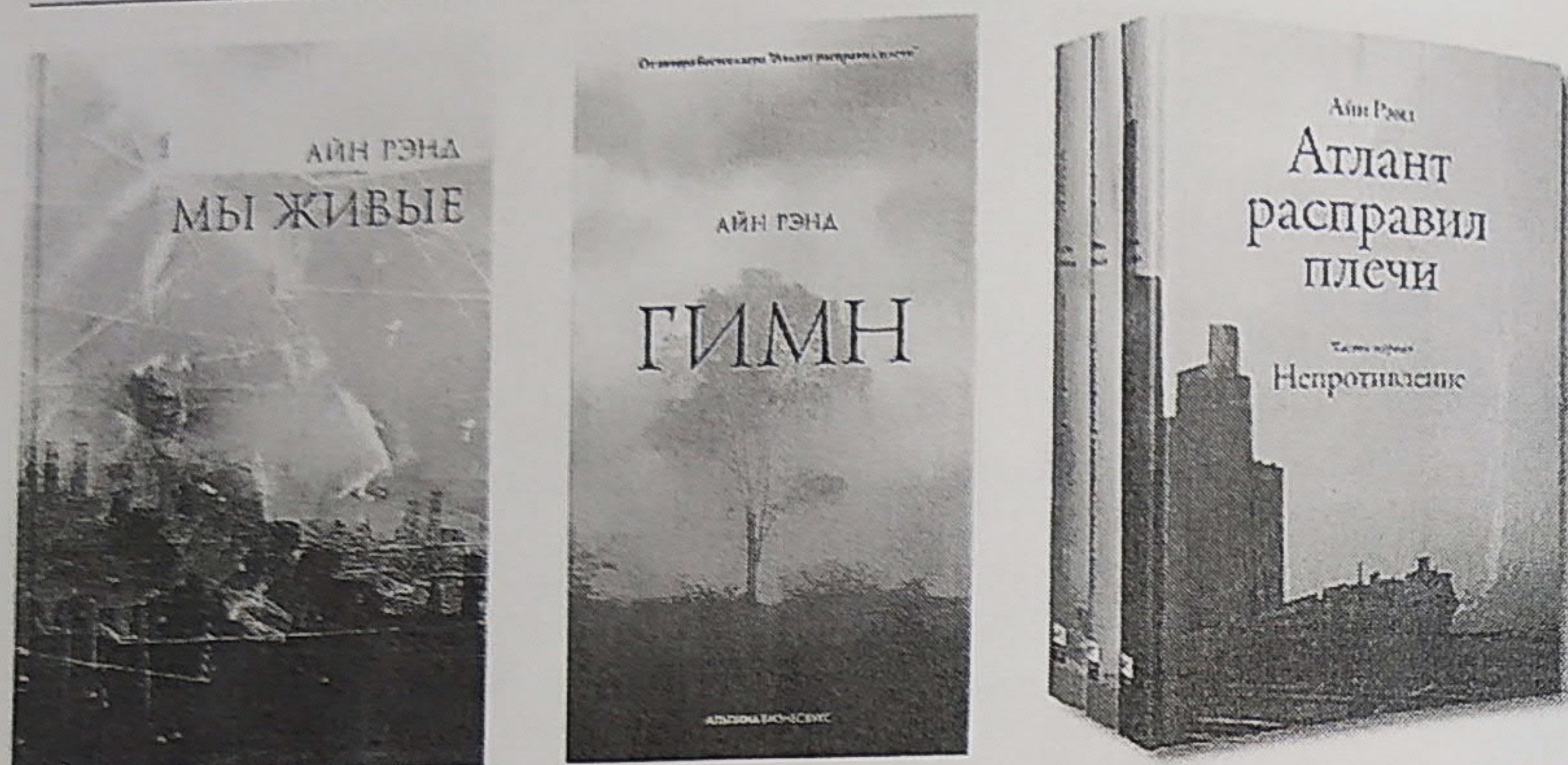

Ayn Rand

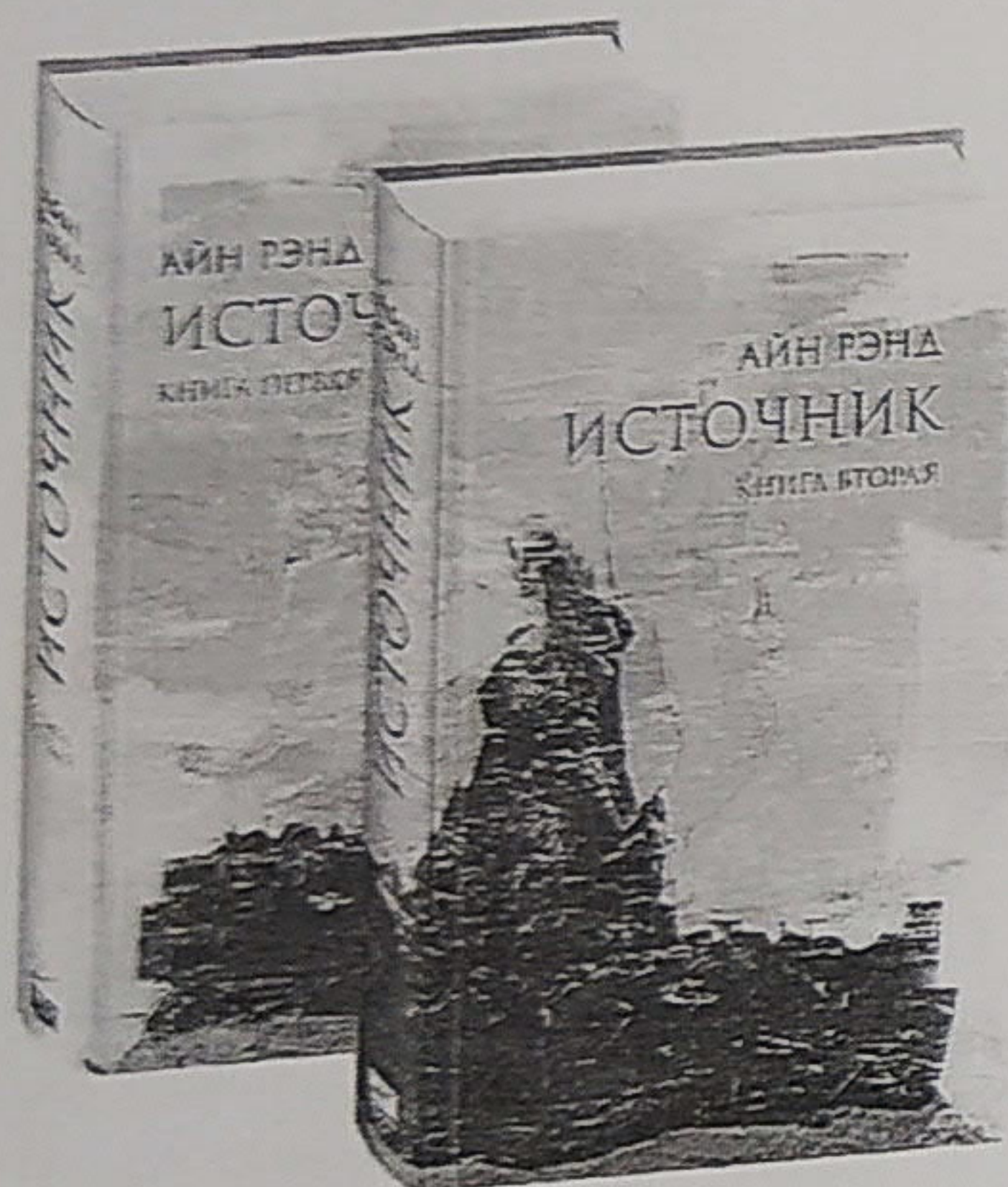
кой писательницы, историей её жизни, которая, оказывается, пересекалась с Крымом и Евпаторией.

Айн Рэнд – это литературный псевдоним Алисы Зиновьевны Розенбаум (1905–1982), уроженки Петербурга, писательницы, философа, создателя философского направления объективизма. По мнению американских исследователей, её творческий гений оказал огромное влияние на политическую систему Америки, на формирование нового философского мышления величайших людей мира свободного предпринимательства. Суммарный тираж её произведений превышает 30 миллионов экземпляров. Известно, что в 11 лет девочку заинтересовала политика. Нельзя не сказать, что она стала свидетелем многих исторических событий в России. В связи с заявленной темой, нам важно русско-еврейское происхождение Айн Рэнд, пребывание её семьи во время Гражданской войны в Крыму и, что особенно важно, в период утверждения здесь советской власти.

Первое её произведение, роман «Мы живые» (We the Living), опубликованное в США в 1936 году, а также повесть «Гимн» (Anthem; 1938), посвящены советской тоталитарной системе и в значительной мере связаны с личным опытом и биографией автора. Со слов Д. Бартон Джонсона, она писала русские романы по-английски, превращая традиционный русский воспитательный роман идеи в нечто, условно названное критиком «капиталистическим реализмом» [3]. О жанре первого романа «Мы живые» можно сказать, что он имеет явно автобиографический характер. Вершиной её беллетристического

Произведения Айн Рэнд
(А. З. Розенбаум),
изданные в России в 1990–2000-е годы

творчества является роман «Атлант расправил плечи» (1957).

Зима 1917–1918 года выдалась в Петрограде голодная и холодная. В 1917 году, как написала в одном из писем Анна Ахматова, «там завели обычай ежемесячно поливать мостовую кровью граждан» [4]. Но вскоре «буря революционной борьбы замерла», по словам Айн Рэнд, «безропотно и безнадежно» была признана победа красных. «Великий и страшный», по М. Булгакову, 1918 год грозил петербуржцам военным наступлением Германии. Второго марта немцы уже стреляли по Петрограду, и столицу тихо перенесли в Москву. Юг России в это время находился во власти Белой армии. Начался стихийный исход горожан из Питера на юг.

Отцом будущей писательницы был успешный петербургский буржуа, владелец крупной аптеки на Невском проспекте Зальман-Вольф (Зиновий Захарович) Розенбаум. С приходом в Петроград большевиков его собственность была конфискована. Семья Розенбаум – жена Хана Берковна (Анна Борисовна), в девичестве Каплан, зубной техник, три дочери Алиса, Наталья, Нора и сам глава семейства – тоже бежали из города. По воспоминаниям будущей писательницы, зафиксированным в книге Барбары Брэнден «Страсть Айн Рэнд», это произошло осенью 1918 года. По дороге их поезд несколько раз останавливали бандиты, высаживали пассажиров и обыскивали их. Зиновий Розенбаум успел спрятать ценности, и семья благополучно доехала до Украины.

В начале 1919 года Розенбаумы переехали в Крым. Айн Рэнд нигде в своих воспоминаниях не упоминает город Крыма, не называет ни одной улицы, ни одной фамилии, ни одного адреса, хотя много рассказывает об этом периоде жизни семьи. Скорее всего, это объясняется тем, что писательница, оказавшись в 1926 году в США, опасалась за судьбу оставшихся в Союзе родственников, поэтому вплоть

до 1960 годов даже самые близкие не знали её настоящей фамилии. Школьными документами Государственного архива в Автономной Республике Крым и Центрального Государственного архива Санкт-Петербурга подтвержден факт проживания семьи Алисы Розенбаум в Евпатории с начала 1919 года до завершения ею семилетнего образования 30 июня 1921 года [5].

К моменту переселения семьи Розенбаум в Крым управление краем было передано правительству, возглавляемому председателем Таврического земского собрания караимом Соломоном Самойловичем Крымом. «...На кабинет С. С. Крыма возлагались большие надежды. Как же – демократы, наследники славного Февраля!», – пишут крымские историки А. Г. и В. Г. Зарубины. «Петербургскими «орлами»» в министерстве С. С. Крыма называли кадетов В. Д. Набокова и М. М. Винавера. Один из представителей земств и городов Юга России с трибуны съезда, организованного этой властью, обобщал: «здесь, в Крыму, посреди пылающего вокруг пожара гражданской войны, словно на каком-то счастливом острове, «Утопии», создан свободный строй силами демократии, гарантирующий права всех граждан» [6]. К 1920 году Крым, по мнению Зарубиных, «напоминает цыганский табор. Здесь – буржуа, служащие, интеллигенция, люмпены и всякого рода темные личности со всей России... Здесь собрались известные русские писатели и поэты... Здесь русские журналисты, актёры и киноактёры. Здесь очень много духовных лиц» [7]. Есть все основания утверждать, что в этот период, например, в Евпатории жила писательница Софья Захаровна Федорченко, автор знаменитого произведения – «Народ на войне», – получившего высокую оценку читателей. В ближайшее время, сообщила газета, крымским усеиздатом оно будет переиздано [8]. Более того, по утверждению М. А. Волошина именно в Евпатории «писала «Народ на войне» С. Федорченко» [9].

По какой причине Розенбаум, успешный петроградский буржуа, разорённый

Наташа, Нора и Алиса Розенбаум.
Фото. Петроград, 1910-е годы

большевиками, – тоже оказался в Крыму? Почему, оставив Одессу, Розенбаумы поселились в Евпатории? Видели они Крым тоже «счастливым островом, Утопией»? Политические ли вожди Крыма этого периода, а именно: С. С. Крым, М. М. Винавер, В. Д. Набоков – внушили уверенность в крымском варианте спасения? Известно, что Алиса была одноклассницей Ольги Набоковой (1903–1978) и, по мнению Д. Бартон Джонсона, даже близкой её подругой. Были ли у семьи Розенбаумов какие-то старые связи по летнему отдыху? Может, существовала какая-либо связь между семьёй Розенбаума и «петербургскими орлами»?

По мнению Михаила Кизилова, автора книги «Крымская иудея. Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времён до наших дней», «несмотря на все тяготы и невзгоды, во время Граждан-

ской войны еврейское население Крыма практически удвоилось и достигло, по некоторым данным, рекордной цифры в 100–150 тысяч. Причины были просты: несмотря на разруху и волнение Крым оставался последним островком белогвардейской России, ещё не захваченным большевиками» [10].

Евпаторийские краеведы отмечают привлекательность Евпатории для бежавших из столицы: неплохие бытовые условия, а также то, что стабильность здесь обеспечивали войска Донского круга. Не вызывали опасения и большевики, так как во все партийно-руководящие структуры входило значительное количество евреев. «В аппаратах городских советских учреждений преобладающее положение занимают евреи» [11].

В «вихрь идей, грёз и эпохального размаха» (О. Резник) попал, к примеру, способный сын Лейбы Эльшаеловича Селевинского, прихожанина еврейского ремесленного молитвенного дома «Егие-Капай» в Евпатории [12]. Соратник И. Сельвинского по цеху конструктивистов К. Зелинский замечал, что уже самые первые поэтические опыты выпускника Евпаторийской мужской гимназии Ильи Сельвинского остро передавали чувство избранничества. Но Сельвинский «был сыном бедного, обременённого большой семьёй скорняка. Летом он ходил в робе, сшитой из паруса... рано начал наниматься репетитором к своим богатым товарищам... Поэт рано узнал ощущение человека, зажатого обстоятельствами, в котором естественная человеческая жажда счастья невольно переключается в томящий романтизм мечтаний» [13].

На склоне жизни, в знаменитом романе «О, юность моя!» поэт так писал о романтике революционной молодости: «Не выкорчуешь её. Если преградить ей рост в высоту, она станет извиваться в узлы и петли. И вот, лишённые науки и искусства, отрезанные от военной, морской, железнодорожной и других профессий, еврейские юноши, не желавшие корпеть над заплатами и нюхать аптекарские капли, увидели ро-

мантику в уголовщине. Так родились знаменитые одесские налётчики... великолепное уродство царской национальной политики... Октябрь сдул с России все рогатки, барьеры... Россия ста народов хлынула в революцию» [14]. И уточнял, что это время родило могучий образ еврея-комиссара. Романтик Сельвинский завершает роман от лица главного героя гимном революции: «Она была его жизнью и несла ему такие надежды, какими Россия никогда не обладала. Россия... Россия, объятая революцией... Было ли на свете более возвышенное время?! В это время я жил» [15].

Архивные источники выявили в списках избирателей Евпатории 1918 года девять семей по фамилии Каплан. Осмелимся предположить, что с Евпаторией семью Розенбаум могло связывать родство по линии Каплан, бабушки Алисы по материнской линии. Речь идёт о Берко Ицковиче Каплане (1843–?) – портном, владельце крупного предприятия по пошиву военной формы в Санкт-Петербурге.

На август 1918 года в Евпатории проживало около 35400 душ населения [16]. В числе общепользовательных учреждений в городе, по дореволюционным сведениям, имелись: городской театр, общественная библиотека-читальня имени императора Александра II, Пушкинская аудитория, 1 мужская и 1 женская казённые гимназии, а также 1 частная женская гимназия, 1 высшее начальное училище, 23 разнородного типа училищ, Александровское караимское духовное училище [17].

Розенбаум-отец сделал всё возможное, чтобы даже в такое тяжёлое для семьи время его дочери продолжили обучение и Алиса завершила гимназическое образование. По какой-то причине Алиса Розенбаум была определена в январе 1919 года в Евпаторийскую женскую гимназию Министерства Народного Просвещения А. П. Руцинской и А. А. Миронович.

Это было частное учебное заведение, обеспечивающее «все права для учащихся и учащихся», что, безусловно, устраивало родителей. Но этот год был

самым тяжёлым для педагогического коллектива. Цены на предметы первой необходимости в Крыму были невероятно высокие, прибавки на дороговизну учителям не выплачивались. Эта гимназия одна из всех учебных заведений Евпатории существовала без постоянных ассигнований из казны. Попечительскому совету гимназии приходилось повышать плату за право учения выше, чем делали остальные средние учебные заведения города [18]. Алиса Розенбаум поступила в эту евпаторийскую гимназию в пятый класс на основании документов Санкт-Петербургской женской гимназии Стоюниной. Первого сентября 1919 года Алиса начала и 29 мая 1920 года завершила шестой класс в этой же гимназии. Решением педагогического совета она была переведена в седьмой класс [19]. Приказом № 57 Крымревкома о перестройке работы учебных заведений от 30 ноября 1920 года седьмой класс был объявлен выпускным классом средней школы [20]. 30 июня 1921 года Алиса Розенбаум получила свидетельство об окончании «IV группы второй ступени школы № 4, семь классов бывшей земской гимназии» [21].

Архивный документ ЦГА Санкт-Петербурга, таким образом, даёт основание утверждать, что семья Розенбаум прожила в Евпатории ещё 1920/1921 учебный год. За это время Алиса завершила здесь среднее образование, Наталья, вероятно, четыре класса, а Нора – первый класс. Младшие дочери Зиновия Розенбаума почему-то учились в казённой женской гимназии. К началу 1917/1918 учебного года до школ довели циркуляр Министерства народного просвещения от 31 августа за № 10100 «О всемерном облегчении учащимся Петроградских учебных заведений тех формальных трудностей, какие могут встретиться при перемещении в провинциальные учебные заведения». Впервые в школьной практике также стал применяться § 5 Правил для учеников об отчислении из учебного заведения «за безвестную неявку на занятия» [22]. В 1919/1920 учебном году в шестом

Алиса Розенбаум
в подростковом возрасте.
Фото. Конец 1910-х

классе женской гимназии А. П. Руцинской и А. А. Миронович, где училась Алиса, числилось 43 ученицы. 26 из них (60,5 %) прибыли в эту гимназию в революционные годы; в 1917 году – 9 учениц; в 1918 году – 11 учениц и ещё 6 человек, как и Алиса Розенбаум, в 1919 году.

«Движение» учениц, т.е. прибытие и выбытие из гимназии, в эти годы было как никогда интенсивное. Много говорит о политической ситуации в стране и география этого «движения». Эти ученицы прибыли в Евпаторию из таких женских гимназий: Московской гимназии Шписс, Харьковской гимназии Левковец, Московского Елизаветинского института, Кинешмской гимназии, Харьковской Мариинской Александровской гимназии, гимназии Алферовой, Юрьевской гимназии города Пушкина, Петроградской Мушниковой, Симферопольской Станишевской, Царскосельской

Алиса Розенбаум
в 19-тилетнем возрасте. Фото

Мариинской, Петроградской Кротовой, Черкасской женской гимназии [23].

В апреле 1919 года в Советской России было прекращено преподавание Закона Божиего. Должность преподавателей этого предмета выведена за штат, а сами они уволены. «Для ознакомления учащихся со свершившимся переустройством жизни», ознакомления и разъяснения основных законов РСФСР вводились новые предметы: Советская конституция и политическая экономия, которым обучалась Алиса Розенбаум в 7 классе [24]. Кстати, будучи студенткой Петроградского Государственного Университета, она попала под «увольнение из числа студентов вследствие невыполнения академической активности», очевидно, именно по политической экономии и получила документ только после ликвидации задолженности по данному предмету [25].

Социальное и экономическое состояние Крыма, «переполненного беглецами от коммунизма», на момент пребы-

вания здесь семьи Розенбаум было крайне тяжёлым. Финансовая система пришла в расстройство. Денежные знаки обесценились. Они стоили дешевле, чем сама бумага, на которой печатались деньги. Коммунальное хозяйство пришло в полный упадок. Не действовали водопровод, электростанции, улицы утопали в грязи [26].

Это было время Гражданской войны, время болезней, голода, политических репрессий. Отдел Управления Евпаторийского ревкома обнародовал: на 1 декабря 1920 года в Евпатории проживало 950 лиц, служивших в гражданских учреждениях Врангеля, 1105 беженцев и 206 лиц иностранноподданных и «пока 210 человек нетрудового элемента(!)» [27]. Несомненно, в число этих 210 входил и З. Розенбаум, при условии, что он выполнил требование новой власти и зарегистрировался. Именно для работы с этой категорией людей при отделе управления Евпаторийского ревкома был организован специальный подотдел принудительных работ. В обязанность его сотрудников вменялось работать с лицами нетрудового класса обоего пола от 18 до 45 лет. Это «все бывшие помещики, фабриканты, заводчики, торговцы, все пользовавшиеся наёмным трудом».

Так, 12 декабря 1920 года в подотдел принудительных работ должны явиться лишенцы-беженцы по фамилии, начинающейся на следующие буквы: Р, С, Т, У, Ф, Х, а значит, среди них – Зи-

Евпаторийская женская гимназия
А. П. Рущинской и А. А. Миронович.
Современное фото

новый Розенбаум. Объявлялось, что в этом отделе управления им выдадут особые карточки. Нарушившие требование власти должны были караться по законам военного времени.

13 декабря 1920 года в Евпатории началась раздача населению хлебных карточек. Всё население Евпатории было распределено по трём категориям:

категория «А» – взрослое население города, занятое физическим трудом;

категория «Б» – безработные, домашние хозяйки, служащие учреждений, занятые умственным трудом;

категория «В» – все остальные горожане [28].

Из регистрационной карточки реальной учительницы 4-й Советской школы г. Евпатория (той самой, которую закончила Алиса Розенбаум) Веры Никитичны Афанасьевой, выданной в октябре 1921 года, видно, что её трудовой паек составлял: 3/4 фунта хлеба (1 ф = 450 г), 1/2 фунта сахара, 1 фунт соли и 10 фунтов овощей [29]. Конечно, Розенбаум мог рассчитывать только на категорию «В», и его семье, как семье нетрудового элемента, было особенно трудно выжить в это трудное время. Засуха весны-лета 1921 года привела к голоду. Крым потерял 20% своего населения [30]. В марте в Евпаторийском округе голодало 37 тысяч человек. В Евпатории было зарегистрировано 250 голодных смертей, что составляло 80% от общего количества умерших [31]. Тем не менее, развёрнутая большевиками мощная идеологическая кампания по ликвидации безграмотности давала некоторую возможность грамотным людям заработать хлебную карточку педагогическим трудом. Имеются сведения, что Алиса Розенбаум обучала неграмотных красноармейцев.

В январе 1921 года была создана Крымская Чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности. Согласно Инструкции, под «ликвидацией безграмотности» понималось «обучение неграмотных чтению, письму и счёту» [32]. В городах через квартальные комитеты она производила учёт грамотного, полуграмотного и неграмотного насе-

ния, создавала сеть ликвидационных пунктов и школ для малограмотных. Посещение школы грамоты для этой категории населения было объявлено обязательной трудовой повинностью. Для учеников этих школ на 2 часа сокращался рабочий день с сохранением заработной платы. Тех, кто уклоняется от обучения в школах грамоты, могли перевести на низшую продовольственную категорию и предать суду как трудовых дезертиров [33]. Вышестоящее крымское начальство предписывало в марте 1921 года «труд преподавателя ликбеза оплачивать за час ежедневных занятий» и определило сумму почасовой оплаты учителя дифференцированно, в зависимости от города. Например, в Евпатории час занятий «стоил» 300 рублей [34]. К началу декабря 1920 года в Евпатории открылись 6 пунктов – специальных школ для взрослых и подростков, неграмотных, полуграмотных и грамотных, но желающих пополнить своё образование [35]. На уездном съезде ревкома 14 декабря 1920 года руководитель Евпаторийского наробраза товарищ Уйск безапелляционно объявлял: «Для обучения неграмотных будут привлечены сотрудники в порядке трудовой повинности» [36]. В этом же императивном стиле газета публикует такие политические лозунги:

– Чтобы лучше жить – нужно больше производить, чтобы больше производить – нужно больше знать!

– Безграмотность – резерв контрреволюции, бей её!

– Безграмотность – родная сестра рабства и угнетения [37]. В начале 1921 года совершенно неграмотных в Крыму было 48% населения. Крымграмчека главной задачей считала к 1.01 1922 года ликвидировать неграмотность среди членов профсоюзов до 35 лет и сельского населения до 25 лет [38].

2

Филолог и культуролог Александр Эткинд утверждает, что во всём творчестве Айн Рэнд очевидны идеологические уроки русской революции. И первые её произведения «Мы живые» и

ошибочно

«Гимн» «посвящены переработке болезненного российского опыта» [39]. С этим нельзя не согласиться. Безусловно, бурная политическая жизнь Евпатории этого периода активно подпитывала рано пробудившийся в Алисе Розенбаум интерес к политике.

Два с половиной года жизни в Евпатории дали будущей писательнице ярчайшие наглядные картины того, как в Крыму происходила реализация главного догмата коммунистической доктрины – отрицание частной собственности – и того, как повсеместно и беспощадно граждан лишали её. Розенбаумов, бежавших осенью 1918 года из Петрограда от большевистской власти, большевики всё же нагнали – в ноябре 1920 года в Евпатории. В ночь с 13 на 14 части Латышской советской дивизии заняли Евпаторию, и новая власть немедленно включилась в исполнение главных постулатов коммунизма, чтобы и здесь утвердиться навсегда. Так как политические процессы в Крыму задержались, большевики вынуждены были форсированно исполнять свои партийные декреты. Розенбаумы дважды оказались свидетелями большевистского переустройства жизни.

Рупором пришедшей к власти новой политической силы стала большевистская пресса. Сегодня трудно судить, насколько эффективно «работала» приведённая ниже информация, какой мог быть эффект от исполнения приказов и просто требований советских руководителей Крыма и Евпатории. «Всё будет нашим!» – таков заголовок одного из материалов новой газеты «Известия военно-революционного комитета г. Евпатории и уезда. Евпаторийская организация Российской коммунистической партии (большевиков)» (№ 19 от 08.12.1920). Кажется, именно с этим лозунгом на своём знамени власть стремительно и безоглядно действовала в Евпатории сразу после своего утверждения в городе. Только полмесяца понадобились ей, чтобы начать реализацию последовательной политики национализации. Дачи, находившиеся около Евпатории, были объявлены достояни-

ем трудового народа, необходимым для организации санаторно-курортного лечения [40]. Коммунальный отдел с напряжением ожидал от Ревкома разрешения немедленно национализировать имеющиеся в городе парикмахерские [41]. Кинокомитет Евпатории национализировал кинотеатры «Модерн» и «Наука и Жизнь», которые тут же были переименованы в «I Советский народный» и «II Советский народный» кинотеатры [42]. Декабрь 1920 года стал в городе временем учёта и регистрации всего и вся, как бы реализуя на практике мысль вождя о том, что «социализм – это учёт».

Проходят собрания членов учительского союза, союза врачей, строительных рабочих [43]. С 15 по 19 декабря в Пушкинской аудитории состоялись общие профсоюзные собрания работников коммунального хозяйства, местного транспорта, народного питания, связи, земли и хозяйства, а также лиц, работающих по найму [44]. Всем журналистам, литераторам и техническим газетным работникам редакция газеты 4 декабря предлагала до 10 декабря включительно зарегистрироваться в местном отделе Крым-РОСТА [45]. Евпаторийский уездный военный комиссариат призвал представителей спортивного общества явиться и тоже зарегистрироваться [46]. Усовнархоза под угрозой ревтрибунала приказывал регистрироваться инженерам, техникам, архитекторам и десятникам [47].

В порядке партийной дисциплины зарегистрироваться требовалось также «всем членам РКП, умеющим выступать на митингах и читать лекции» [48]. К суду ревтрибунала грозили привлечь владельцев пишущих машинок, если те не станут на учёт. Совнархозам предписывалось взять на учёт запасы спирта и запасы фруктов [49]. По законам военного времени новая власть могла судить владельцев магазинов, а также тех частных лиц, которые имеют швейные машины, если они не регистрируются в 3-х дневный срок [50]. Также в течение 3-х дней со дня публикации приказа № 30 от 15.12.1920 по отделу народно-

го образования владельцы и все лица, «у коих имеются фотографические аппараты, части их, фотографические принадлежности и материалы», должны представить подробные списки во внешкольный подотдел наробраза [51].

10 декабря Евпаторийский уездный военный комиссариат потребовал, чтобы все частные лица в трехдневный срок явились в комиссариат с письменным обозначением следующих предметов для взятия их на учёт. Это велосипеды, футбол, турники, параллельные брусья, шесты, «кобылы» для прыганья, гири, фехтовальные шпаги и маски, диски для метанья, принадлежности для лаунтенниса и крокета. Евпаторийцам предписывалось сдать в трофейную комиссию лошадей, конское снаряжение, повозки, коляски, военное имущество [52]. Подотдел дошкольного образования к началу декабря взял на учёт армянскую библиотеку, библиотеку караимского общества и склад караима Аваха [53]. Приказом по отделу народного образования № 30 от 15 декабря 1920 года предписывалось всем лицам, имеющим значительное собрание книг (начиная от 100), не позже 18 декабря представить во внешкольный подотдел наробраза подробную опись всех книг своей библиотеки, но оговаривалось: «В нужных случаях будут выданы охранные грамоты».

Под угрозой конфискации евпаторийцам было приказано сдать под расписку в бывшую городскую публичную библиотеку книги, принадлежащие бежавшей «буржуазии» [54]. В то же время местный отдел Крым-РОСТА потребовал от жителей сдать издания (газеты, журналы и т.д.) времен Деникина и Врангеля независимо от их количества [55].

«Известия» № 14 от 1 декабря 1920 года публикует документ, свидетельствующий, что подотдел искусства Евпаторийского наробраза в это время возглавлял Яков Александрович Тугендхольд (1882 – 1928) – русский и советский искусствовед, художественный критик, специалист по европейскому искусству нового времени.

Действительно, в его биографии был период работы в отделе по делам музеев и охране памятников в Наркомпросе (1917–1918). В июне 1919 года он был направлен из Москвы в Крым и был назначен руководителем отдела по охране памятников старины и искусства (Крымохрис) при отделе народного образования Крымревкома.

В Москву Я. А. Тугендхольд вернулся в 1922 году. По-видимому, в прямые обязанности его профессиональной деятельности крымского периода входили те акции, о которых извещали евпаторийские газеты. Именно на Евпаторию, не очень богатую памятниками, возможно, из-за отсутствия квалифицированных кадров также распространялась его ответственность.

К 1919–1920 году относятся строки романа И. Л. Сельвинского «О, юность моя!», где он писал о Якове Александровиче Тугендхольде, «известном искусствоведе, видном сотруднике журнала «Аполлон», прибывшем в Евпаторию. Якобы искусствовед в Публичной библиотеке города читал лекцию о новой европейской живописи и ему в «Дюльбере» позировал главный герой романа Леська, Елисей Бредихин, в котором внимательный читатель легко угадывает самого И. Сельвинского [56]. Такое беллетристическое подтверждение пребывания видного русского специалиста по вопросам искусства можно принять безусловно, если помнить о документальной достоверности текста писателя И. Л. Сельвинского. А «Труды и дни Максимилиана Волошина» свидетельствуют, что в Евпатории жила семья этого крымского советского чиновника.

Для учёта и охраны художественных ценностей все граждане Евпатории, имевшие художественные картины, статуи, гравюры, ковры, коллекции старинных вещей и музыкальные инструменты всех видов и нотные библиотеки, были обязаны в 5-дневный срок зарегистрировать их в подотделе искусства у Я. А. Тугендхольда и, возможно, получить печатную охранную квитанцию. Неисполнение сего влечёт ответственность виновных по закону Советской Респуб-

3

лики, предупреждала газета [57]. В срок до 18 декабря 1920 года включительно заканчивалась регистрация музыкальных инструментов и нот, иначе – грозила власть – незарегистрированные инструменты и ноты будут реквизированы [58]. Согласно приказу № 138 Крымревкома от 18 декабря о национализации аптек и медико-фармацевтического имущества в Крыму оно стало народным достоянием [59]. «Известия» № 25 от 15.12.1920 года опубликовали приказ военно-революционного комитета о создании комиссии «по сбору белья с буржуазии» [60]. Был и такой приказ. В приведённых приказах и распоряжениях большевиков однозначно выразились намерения новой власти.

Евпаторийцам был ещё памятен январь 1918 года и революционные действия товарища председателя Евпаторийского военного революционного комитета Матвеева, «делегированного в город Евпаторию и уезд для взыскания надбавочной платы сельско-хозяйственным рабочим». Ему давалось право «на самые крайние меры к уклоняющимся от конфискации ценностей и движимого имущества, вплоть до ареста». Удостоверением Матвеева предписывалось всем должностным лицам и гражданам оказывать ему всяческое содействие в действиях по конфискации [61]. На этом основании у зажиточного населения Евпатории изымались серебряные молочники, кольца и серьги, денежные чеки и т.д. Член исполнительного комитета большевик Кебабчианец изъял в ходе этой кампании, например, палку с серебряным адресом, предназначенную директору гимназии А. К. Самко [62].

В будущем один из шести постулатов философии объективизма Айн Рэнд будет сформулирован так: единственная задача государства – обеспечение неприкосновенности частной собственности и прав индивида. Всё остальное – узурпация власти. Несомненно, между идеями писательницы и её жизнью в Крыму, между теориями советской эпохи и практикой большевиков на полуострове очевидна самая прямая связь.

«Крымская история отвела мрачную роль – первому открыть ужаснейшую страницу Гражданской войны – красную страницу массового террора», – утверждают историки Зарубины [63]. Вместе с жителями Крыма довелось перевернуть эту страницу и будущей писательнице Айн Рэнд.

Евпатория долго жила отголосками трагических событий зимы 1917 года. Вооружённые столкновения в Евпатории начались в 20-х числах декабря 1917 года. А 13 января нового 1918 года был убит председатель Евпаторийского совета рабочих и солдатских депутатов Давид Львович Караев (1882–1918). Кем убит – нет ответа и сегодня. Это событие получило такую политическую окраску, что Евпаторию даже собирались переименовать в город «Караев». А ретивые евпаторийские революционеры в своих документах уже писали обращения в «Караевский военно-революционный комитет» [64]. Смерть большевика-еврея Давида Караева спровоцировала череду кровопролитных эксцессов.

М. Кизилев отмечает: «В связи с общим ослаблением государственной власти положение евреев значительно ухудшилось, а неконтролируемый антисемитизм и погромные настроения, наоборот, возрастали. С 1917 года по 1920 год Крымская Иудея вступает в самый тяжёлый период невзгод, погромов, голода и страданий» [65]. Позднее писательница Айн Рэнд скажет, что власть в Крыму менялась шесть раз. Летом 1919 года большевики в очередной раз ушли из города, а пришли «белые» во главе с главнокомандующим Вооружёнными Силами на Юге России А. И. Деникиным. Они сразу же включились в расследование злодеяний большевиков для выявления «перед лицом всего культурного мира разрушительной деятельности организованного большевизма». Ещё в апреле 1919 года Главнокомандующим была создана Особая комиссия, работавшая на основе последнего в России Устава уголовного судопроизводства Российской империи (1914 г.). Она имела право вызывать и

допрашивать потерпевших горожан и свидетелей, производить осмотры, обыски, другие следственные действия.

Дело № 56 Особой комиссии было посвящено злодеяниям большевиков в Евпатории [66]. Безусловно, о работе комиссии знали горожане. Слышали об этом, конечно, и Розенбаумы. В деле № 56 раскрывались события, получившие название «варфоломеевские ночи» в Евпатории. После убийства 13 января 1918 года Давида Караева вечером 14 января к Евпатории подошли два военных судна «Труватор» и «Румыния». На их борту были матросы Черноморского флота и рабочие севастопольского порта. Вооружённые матросы три дня с утра до позднего вечера по указанию евпаторийских большевиков производили в городе аресты и обыски.

Было арестовано свыше 800 человек. За 15, 16, 17 января на «Труваторе» и «Румынии» было убито и утоплено не менее 300 человек. Деникинская комиссия отмечала зловещую роль в «варфоломеевской ночи» евпаторийских большевиков: семьи Немичей, Николая Дёмышева, Василия Матвеева и других. Эти события в Евпатории, как и декабрьские 1917 года в Севастополе, имели большой общественный резонанс. Стало ясно, что непоколебимые моряки Черноморского флота стали главной репрессивной силой большевизма в Крыму. В двух номерах газеты «Новая Жизнь» (№ 51 (266) и № 59 (274)) за 1918 год на эти события отозвался «Несвоевременными мыслями» Максим Горький, осудивший массовые убийства «нескольких сот грамотных людей в Севастополе, в Евпатории» [67].

А в ноябре 1920 года евпаторийцы, включая семью Алисы Розенбаум, стали свидетелями того, как по возвращении в город «красные» тут же организовали комиссию по увековечению памяти своих однопартийцев, погибших от рук белогвардейцев. Через свою газету они обратились с просьбой ко всем, кто может указать места погребения жертв белых, «доставить сведения в комиссию» по адресу Пушкинс-

кая, 13 [68]. «Коммунисты – злодеи, а послереволюционная Россия – кладбище», – жестко обобщит свой печальный российский опыт в Крыму Айн Рэнд. Некоторые реалии крымской жизни Алисы Розенбаум попали в первый роман писательницы Айн Рэнд «Мы живые».

Главная героиня этого произведения – Кира Аргунова. Она – ровесница Алисы Розенбаум. Как и семья Розенбаумов, Кирина семья покинула Петроград осенью 1918 года, после того как их текстильная фабрика была национализирована. Как и прототипы романа, семья бывших «буржуев» отправилась в Крым, «чтобы там дожидаться освобождения столицы из-под красного ярма». Аргуновы «рассматривали свою поездку как неприятное, но короткое недоразумение» и рассчитывали вернуться в Петроград весной, однако прожили в Крыму четыре года.

В тексте романа назван один крымский топоним – Ялта – где, по замыслу автора, и проживали его герои. Аргуновы жили «в перенаселённых летних лачугах, где пронизывающие крымские ветры [69] свистели в дырявых каменных стенах; чай с сахарином и луковичи, поджаренные на льняном масле; ночные обстрелы и кошмарные рассветы, когда только по красным флагам и трёхцветным знамёнам на улицах можно было понять, в чьи руки перешёл город» [70].

Конечно, юной дворянке Кире Аргуновой, жившей в столице России в собственном гранитном доме на Каменноостровском проспекте, лачугой может показаться любой не экспропрированный дом в Крыму. Героиня книги Кира наизусть помнит указ комиссара народного образования по вопросу системы ликбеза и как таблицу умножения отвечает на экзамене в экскурсионном центре, где она служит по возвращении в Петроград: «Просвещение широких масс рабочих и крестьян – наша основная задача». Мама Киры тоже связана со школой, как и Анна Борисовна Розенбаум, получившая свой первый педагогический опыт, очевид-

но, в Евпатории. Вернувшись в Петроград, она тоже устроилась во 2-ю школу рабочей молодёжи Володарского района [71].

Эти биографические реалии Алисы Розенбаум евпаторийского периода легко обнаруживаются в первом произведении американской писательницы Айн Рэнд. Можно смело утверждать, что Кира Аргунова – трансформированное второе «Я» Айн Рэнд. Уже в первом произведении писательницы она транслирует идеологию автора: высокомерное пренебрежение требованиями общества, провозглашение рационализма наивысшей добродетелью человека.

Не только южный загар стройных ног Киры Аргуновой, которая стоит на подножке вагона, говорил о её возвращении в 1922 году в родной Петроград именно из Крыма. Семье Аргуновых удалось выехать в пассажирском вагоне 3-го класса и занять столик у окна, и «этот стол был центром купе, а Кира – центром внимания пассажиров». Надменное спокойствие юной девушки со взглядом воина вызывало раздражение умногих попутчиков. Но очень скоро даже им начинало казаться, не пьедестал ли этот столик для Киры, много пережившей в Крыму и открывшей для себя что-то очень важное.

В благополучные детские годы героиня романа кругу детей предпочитала одиночество, чувствуя себя при этом «полновластной императрицей». Приведем несколько цитат. «Когда она отказалась играть с калекой-родственником, которого добросердечие семьи превратило во всеобщего любимца, её больше никогда не просили об этом». Кира «вышвырнула из окна первую же книжку о доброй фее, награждающей бескорыстную маленькую девочку». Однажды семья взяла девочку в церковь – и тайком покинула храм, так что больше её с собой туда не брали. «Она карабкалась на пьедесталы статуй в парках, чтобы поцеловать холодные губы греческих богов». В крымской школе, во время коллективного бойкота одноклассницы, к которому она отказалась присоединиться, Кира доходчиво объясни-

Алиса Розенбаум в 19-тилетнем возрасте. Фото

ла всем свою позицию: «Я не за неё, я против двадцати восьми остальных». После Крыма она знала, что «в нас есть нечто, к чему не должны прикасаться никакое государство, никакой коллектив, никакие миллионы».

Вот контур характера будущей владительницы умов и автора философской концепции, в основе которой лежит принцип свободы воли, главенство рациональности и нравственность разумного эгоизма. Это тот характер, который, получив крымскую прививку, станет фантастической личностью – американской писательницей по имени Айн Рэнд. В романе «Мы живые» над кроватью Кириной сестры висела икона, а над Кириной – изображение американского небоскрёба. Девушка мечтала покинуть Советскую Россию. Её друг Лео, сын расстрелянного царского адмирала, сделал неудачную попытку перейти с ней границу России. К этой же мысли – бежать от большевиков – пришёл друг Киры Андрей Таганов, следователь ГПУ, истинный «сын революции». Так, по мысли автора, Человек протестует против Государства. Так Айн Рэнд публично и страстно выразила своей

Первое произведение Алисы Розенбаум – очерк творчества американской актрисы Полы Негри. Обложка брошюры, изданной в СССР в 1925 году

первой книгой «Мы живые» отношение к советскому строю.

Ей не приходилось ничего придумывать, говоря о бегстве гражданских и военных после прихода к власти большевиков. На её глазах из Евпатории, из Крыма бежали тысячи и знакомых, и незнакомых людей. В Евпатории в четверг 11 ноября 1920 года белые войска получили приказ о приготовлении к эвакуации из Евпатории. «В ночь на 12 ноября морская контрразведка даже погрузилась на пароход», – могла прочитать семья Розенбаум в евпаторийской газете от 17 ноября 1920 года. Но вскоре пришло сообщение, что обстановка изменилась, и вещи были возвращены в Петроградскую гостиницу. В пятницу 12 ноября, однако, в город прибыло шесть пароходов. К вечеру этого дня стало известно, что войска Врангеля оставили Ишунь, и поступил новый приказ немедленно уходить из Евпатории, так что «на скорую руку началась эвакуация».

Именно из Евпаторийского порта в 23 часа 13 ноября 1920 года, первыми в Крыму, вышли в море корабли с «крымскими контрреволюционерами» и взяли курс на Константинополь. Ссылаясь на французские газеты, евпаторийская газета позже сообщила, что «к 22 ноября в Константинополь прибыло 140000 крымских беженцев, из них военных не менее 29000» [72]. Могли знать Розенбаумы и то, что министр юстиции второго Крымского краевого правительства в 1918–1919 годах В. Д. Набоков с семьёй ещё 15 ноября 1919 года покинул Крым на греческом судне «Надежда» [73].

Семье Розенбаумов пришлось задержаться в Евпатории до лета 1921 года, пока дочери не закончили учебный год в школе. Без сомнения, для Алисы Розенбаум, будущей Айн Рэнд это время стало определяющим её дальнейшую жизнь. Она провела здесь не так много – два с половиной года, но именно здесь она полностью сформировалась как личность.

Как свидетельствует выписка из домовой книги, будущая писательница Айн Рэнд вместе с семьёй прибыла в Петроград, очевидно, к августу 1921 года.

А. Рэнд. Апология капитализма. Современное издание на русском языке

Из неё же явствует, что Розенбаумы вернулись туда же – на Невский проспект, переименованный к тому времени в проспект 25 Октября, в дом № 120. Правда, в феврале 1923 года, согласно удостоверению, выданному Анне Борисовне Розенбаум правдомом, она проживала с Алисой уже по Дмитровскому переулку. 24 августа 1921 года Алиса Розенбаум подала прошение ректору Петроградского университета о зачислении в этот вуз; 2 октября 1921 значится в её матрикуле как дата зачисления в университет [74].

Итак, в неполные 17 лет она стала студенткой петроградского высшего

учебного заведения. После завершения университета, в 1925 году, Алиса Розенбаум по счастливой случайности попадёт в Америку, чтобы там стать писателем и написать о нелюбимой родине, а позже – создать своё главное произведение «Атлант расправил плечи», которое объяснит идеологические просчёты тоталитарного общества. Повторимся еще раз, именно крымский (евпаторийский) период ее биографии стал тем краеугольным камнем, на котором позднее было построено монументальное здание авторской и философской концепции Айн Рэнд.

Примечания

1. Автор благодарит всех, кто способствовал исследованию данной темы: сотрудников Государственного архива в Автономной Республике Крым, Центрального Государственного архива Санкт-Петербурга, Генерального консульства Российской Федерации в Симферополе, Евпаторийского краеведческого музея, а также М. Б. Кизилова (Тюбинген, Германия), Ю. Е. Берёзкина и А. И. Хаеша (Санкт-Петербург, Россия), К. И. Финкельштейна (Бостон, США), Н. А. Филимонова, Л. Ю. Вальченко (Евпатория).
2. Бартон Джонсон Д. Странные соседи: Эйн Рэнд и Владимир Набоков // Звезда. 2001. №4. С. 200.
3. Там же. С. 202.
4. Мусатов В. «В то время я гостила на земле...» Лирика Анны Ахматовой. М., 2007. С. 201.
5. Государственный Архив Автономной республики Крым [=ГААРК], ф. 726, оп. 1, д. 46, 60; ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 5, д. 3576.
6. Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Симферополь, 2008. С. 447–448.
7. Там же. С. 550.
8. «Известия военно-революционного комитета г. Евпатории и уезда. Евпаторийская организация Российской коммунистической партии (большевики)» № 14.1.12.1920. Это произведение было высоко оценено М. Горьким, А. Блоком, Л. Троцким.
9. Купченко В. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. С.-П.: Алетейя; Симферополь: Сонат, 2007. С. 280.
10. Кизилев М. Б. Крымская Иудея. Симферополь, 2011. С. 291.
11. Весь Крым. 1920–1925. Юбилейный сборник. Издание Крымчика. Симферополь, 1926. С. X.
12. Катина В. К. «Каждый человек имеет право на туманный уголок души». Адреса семьи Ильи Сельвинского в Евпатории. // Вестник Крымских чтений И. Л. Сельвинского, выпуск № 3 «И. Сельвинский: проблема творческой индивидуальности», Симферополь, «Крымский Архив», 2004. С. 103.
13. К. Л. Зелинский. За горизонт зовущий // О Сельвинском. Воспоминания. М.: Сов. писатель, 1982. С. 18.
14. Илья Сельвинский. О, юность моя! Советский писатель, М. 1967. С. 138.
15. Там же. С. 518.

16. ГААРК, ф. 681, оп. 1, д. 772, л. 16.
17. Спутник по городу Евпатории (Листая пожелтевшие страницы). Издание городской управы. Евпатория, электро-типография И.Ф. Райхельсона, 1916. С. 7.
18. ГААРК, ф. 726, оп. 1, д. 41, л. 26.
19. ГААРК, ф. 726, оп. 1, д. 60, л. 8.
20. Образование и педагогическая мысль Крыма (XX – начала XXI столетия). Том II. Под ред. А. В. Глузмана. – Киев: Знания Украины, 2008. С. 31.
21. ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 5, д. 3576, л. 4.
22. ГААРК, ф. 725, оп. 1, д. 103, л. 31 об..
23. ГААРК, ф. 726, оп. 1, д. 60.
24. ГААРК, ф. 725, оп. 1, д. 103, л. 85.
25. ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 5, д. 3576, л. 1, 16.
26. Брошеван В. М., Форманчук А. А. Крымская республика: год 1921 (краткий исторический очерк). Симферополь, 1992. С. 5.
27. Так дословно писала евпаторийская газета «Известия военно-революционного комитета г. Евпатории и уезда. Евпаторийская организация Российской коммунистической партии (большевики)» № 16. 3.12.1920.
28. Известия военно-революционного комитета г. Евпатории и уезда. Евпаторийская организация Российской коммунистической партии (большевики). № 20. 9.12.1920.
29. Информация предоставлена внуком В. Н. Афанасьевой – К. И. Финкельштейном.
30. Весь Крым. 1920–1925. Юбилейный сборник. Издание Крымчика. Симферополь, 1926. С. VI.
31. Евпаторийский краеведческий музей. Вестник музея. Выпуск 6. Евпатория, 2009. С. 42.
32. ГААРК, ф. Р-2717, оп. 1, д. 2, л. 14.
33. ГААРК, ф. р-2717, оп. 1, д. 2, л. 14.
34. ГААРК, ф. р-2717, оп. 1, д. 20, л. 12.
35. Известия военно-революционного комитета г. Евпатории и уезда. Евпаторийская организация Российской коммунистической партии (большевики). № 18. 07.12.1920.
36. Там же. № 24. 14.12.1920.
37. Там же. № 21 от 10.12.1920.
38. Образование и педагогическая мысль Крыма (XX – начала XXI столетия). Том II. Под ред. А. В. Глузмана. – Киев: Знания Украины, 2008. С. 27.
39. Эткинд А. Из измов в демократию: Айн Рэнд и Ханна Арентс // Знамя. 2000. № 12. С. 165.
40. Известия военно-революционного комитета г. Евпатории и уезда. Евпаторийская организация Российской коммунистической партии (большевики). № 18. 07.12.1920.
41. Там же. № 17. 4.12.1920.
42. Там же. № 14. 1.12.1920.
43. Там же. № 18. 7.12.1920.
44. Там же. № 25. 15.12.1920.
45. Там же. № 18. 7.12.1920.
46. Там же. № 23.12.12.1920.
47. Там же. № 23.12.12.1920.
48. Там же. № 17. 4.12.1920.
49. Там же. № 15. 2.12.1920.
50. Там же. № 19. 8.12.1920.
51. Там же. № 1. 17.12.1920 («Официальный отдел»).
52. Там же. № 23. 12.12.1920.
53. Там же. № 17. 04.12.1920.
54. Там же. № 1. 17.12.1920 («Официальный отдел»).

55. Там же. № 18. 7.12.1920.
56. Илья Сельвинский. О, юность моя! Советский писатель, М. 1967. С. 218–223.
57. Там же. № 14. 1.12.1920.
58. Там же. № 1. 17.12.1920 («Официальный отдел»).
59. Ревкомы Крыма. Сборник документов и материалов. «Крым», Симферополь, 1968. С. 167–168.
60. Известия военно-революционного комитета г. Евпатории и уезда. Евпаторийская организация Российской коммунистической партии (больше-виков). № 25 от 15.12.1920.
61. ГААРК, ф. р-1040, оп.1, д.1, л.69.
62. Там же. Л. 57(об.).
63. Зарубин, Зарубин. Без победителей...С. 264.
64. ГААРК, ф. р-1040, оп. 1, д. 2, л. 261.
65. Кизилев М. Б. Крымская Иудея. Симферополь, 2011. С. 289.
66. См. http://lib.ru/HISTORY/FELSHTINSKY/krasnyjterror1.txt_with-big-pictures.html.
67. Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917–1918 гг.). М., 1990. С. 129.
68. Известия военно-революционного комитета г. Евпатории и уезда. Евпаторийская организация Российской коммунистической партии (больше-виков)». № 23. 12.12.1920.
69. Скорее всего, автор завуалированно или автоматически описывает евпаторийские февральские ветра. Так может «пронизывать» ветер степного района, а не предгорный в Ялте.
70. Для написания данной статьи мы пользовались стандартным американским изданием Rand A. We the Living / 60th Anniversary Edition. New York, 1996. Тем не менее, для удобства читателей, цитаты из романа мы приводим в доступном в сети Интернет переводе Д. Костыгина.
71. ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 5, д. 3576, л.21.
72. Известия военно-революционного комитета г. Евпатории и уезда. Евпаторийская организация Российской коммунистической партии (больше-виков). № 18. 7.12.1920.
73. Зарубин, Зарубин. Без победителей... С. 408.
74. ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 5, д. 3576, л. 6, 22, 2, 13.